

О ПРАВОВОМ СОЗНАНИИ В ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

И. Л. Вершок

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, БГУ, Минск, Беларусь, viarshok_irina@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы динамики правового сознания на фоне происходящих трансформаций в политико-правовой реальности. Обосновывается существование политико-правового сознания, специфика которого заключается в автономной интерпретации норм, содержащихся в документах концептуального политико-правового и целевого, программного характера.

Ключевые слова: политико-правовое сознание, политико-правовые документы, обязанность, обязательство.

ON LEGAL CONSCIOUSNESS IN POLITICAL AND LEGAL REALITY

I. L. Vershok

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, BSU, Minsk, Belarus, viarshok_irina@mail.ru

The problems of the dynamics of legal consciousness in the conditions of transformation of political and legal reality are studied. The existence of political and legal consciousness is substantiated. Its specificity lies in the autonomous interpretation of the norms contained in documents of a conceptual political-legal and targeted programmatic nature.

Key words: political and legal consciousness, political and legal documents, duty, obligation.

Феномен правового сознания в юридической науке классического периода определялся преимущественно в качестве формы отражения явлений окружающей правовой действительности либо как совокупность чувств, эмоций, взглядов, оценок, установок о праве. Правовое сознание характеризовалось как совокупность рациональных и эмоциональных компонентов психики человека, отражающих его отношение к праву.

Сложность и нелинейность динамики процессов правового сознания, их постоянная трансформация на фоне изменений политической реальности не находились в непосредственном поле зрения правоведов, а ряд важных исследований в политологической сфере проводился в от-

ношении политического сознания без комплексного учета юридического контекста.

Следует отметить, что в настоящее время при исследовании проблем политического сознания уже подчеркивается, что массовые настроения всегда связаны с ожиданием от власти решения конкретных проблемных ситуаций [1, с. 111], что в подавляющем большинстве случаев напрямую проявляется в проведении государственно-правовых реформ и внедрении юридических новаций. А практически все механизмы постановки проблемы на повестку дня политики [1, с. 112] имеют организационно-правовую или юридическую форму.

В литературе справедливо указывается на то, что политические институты принимают участие в разработке государственной стратегии и ценностных оснований политического курса [2, с. 420], что, в свою очередь, детерминирует наиболее важные направления дальнейшего развития национальной правовой системы в целом и отдельных ее компонентов в частности.

Кроме того, в юридической доктрине и практике до сих пор используется термин «формирование правосознания», что создает иллюзию неограниченных возможностей агентов правового просвещения и воспитания по повышению уровня правового сознания населения. Предполагается прямая зависимость формирования высокого уровня правового сознания (в смысле мотивации к правомерному поведению) от увеличения количества мероприятий по пропаганде юридических знаний. При этом, однако, не учитывается, что функционирование политических институтов может гораздо более существенно влиять на динамику правового сознания населения и выполнять важную роль в правовой социализации граждан.

Таким образом, разграничение правового и политического сознания на уровне абстрагирования может осуществляться в фундаментальных исследованиях, однако в практической плоскости наблюдать проявления отдельно правового или политического сознания крайне проблематично. Правовое сознание в современной реальности оказалось феноменом, имеющим более сложную детерминированность, формы проявления и нелинейную динамику своей трансформации, что ранее не учитывалось в юридической доктрине.

Классическое признание регулятивной функции права в качестве основной делало возможным и методологически оправданным определять правовое сознание лишь как форму психического отражения окружающей правовой действительности – запретительных, управомочивающих или обязывающих алгоритмов правового поведения с дальнейшим выполнением или невыполнением соответствующих предписаний.

В настоящее время характерным примером практического признания регулятивной функции права в качестве важнейшей является указа-

ние в п. 22 Концепции правовой политики на то, что в Республике Беларусь создана иерархичная, сбалансированная и относительно компактная система законодательства, которая включает Конституцию, 26 кодексов и более 4000 праворегулирующих законов и нормативных правовых актов Президента [3].

Парадигмально доминирующая регулятивная роль права выражалась в доктринальном обосновании и практическом обеспечении эквивалентности и возмездности в правовых отношениях, балансе субъективных прав и юридических обязанностей, что в национальной правовой системе на конституционно-правовом уровне выражено в установлении взаимной ответственности государства и гражданина. Так, в ч. 2 ст. 2 Конституции Республики Беларусь, предусмотрено, что **государство** ответственно перед гражданином за создание условий для свободного и достойного развития личности. **Гражданин** ответственен перед государством за неукоснительное исполнение обязанностей, возложенных на него Конституцией [4].

В настоящее время регулятивные свойства права сохраняются, но при этом право становится все более сложным социальным институтом, который выполняет не только нормативно-предписывающие, но и иные функции. Это обусловлено многими факторами, в том числе изменчивостью и нестабильностью движения идей, информации и людей [5, с. 16, 84] в современном мире, увеличением правовой неопределенности и, соответственно, возрастающими рисками в правовом регулировании. В сложившихся условиях происходит перераспределение рисков в правовом регулировании между всеми субъектами права – адресатами правовых норм.

В настоящее время появляется более высокий социальный запрос к правовым институтам. Кроме регулирования общественных отношений, которое четко и определенно указывает на модель желательного или допустимого правового поведения, право все чаще воздействует на правовое сознание его субъектов путем закрепления важнейших перспективных направлений социального и государственно-правового развития, целей политико-правового значения.

Наряду с правовыми нормами, выполняющими преимущественно регулятивную функцию, получают свое распространение нормы концептуального политико-правового содержания, а также целевого, программного характера. В качестве примеров политико-правовой нормативности в рамках национальной правовой системы можно привести предписания Директив Президента Республики Беларусь, нормы, содержащиеся в Концепции правовой политики Республики Беларусь [3] как идеологической матрицы развития отечественной правовой системы [6], и в ряде иных важнейших документов.

Динамика правового сознания адресатов нормативных предписаний, содержащихся в таких источниках концептуального политико-правового содержания, а также целевого, программного характера, совершенно иная.

Если раньше обосновывалось, что реализация правовой нормы в правовом отношении обеспечивалась механизмами правового (юридического, догматического, основанного на знании нормативных правовых актов) сознания, то в настоящее время актуален вопрос о первичности политико-правового сознания в нормативном упорядочении общественных отношений.

Субъекты политико-правового сознания, участвующие в создании и реализации документов концептуального, политико-правового и целевого, программного характера, задают общие цели перспективного развития общественных отношений и ставят конкретные задачи, связанные с их достижением. Интенциональность их политико-правового сознания направлена не столько на формирование образца, юридической модели, алгоритма поведения, сколько на предоставление самостоятельного выбора варианта социально-ответственного и инициативного поведения для реализации юридически оформленных политико-правовых целей и программных задач.

Документы концептуального политико-правового и целевого, программного характера вместо прямых императивных предписаний в большей степени направлены на комплексное создание условий для эффективной правовой коммуникации и социальной интеграции субъектов права в определенной сфере. Их реализация будет состоять не столько в психическом отражении уже сложившихся регулятивно-правовых гетерономных императивов и точных алгоритмов поведения, сколько в автономном ответственном сознательном выборе субъектом права наиболее эффективных и социально оправданных, легальных и легитимных форм и уровней правового взаимодействия, по его усмотрению актуальных и востребованных в ситуации «здесь и сейчас».

«Ограничения, которые налагает на нас мир, являются нормативными тогда, когда мы способны действовать свободно, распознавая какое-либо положение дел как основание для определенного действия и соглашаясь с необходимостью действовать в силу этого основания, принимая на себя обязательства придерживаться определенной линии поведения» [7, с. 125].

В обновленной Конституции Республики Беларусь наряду с ранее закрепленным принципом взаимной ответственности государства и гражданина, в ч. 3 ст. 21 установлено, что **каждый должен** проявлять социальную ответственность, вносить посильный вклад в развитие общества и государства [4].

Таким образом, наряду с нормотворческой деятельностью по подготовке и принятию нормативных правовых актов, предписывающих гетерономные правила поведения и выполняющих регулятивную функцию в качестве основной, в Республике Беларусь наблюдается важная тенденция, связанная с расширением практики создания нормативных документов концептуального политико-правового и целевого, программного характера, стимулирующих адресатов правовых норм к активному, социально ответственному правовому взаимодействию. Причем сами процедуры подготовки, обсуждения и принятия указанных документов часто представляют собой различные формы социально-правовой коммуникации и интеграции официальной инстанции (в лице государственных органов и должностных лиц) с гражданами.

Указанные документы содержат нормы, носящие не столько предписывающий, гетерономный характер о наличии субъективных прав и возлагаемых юридических обязанностях, сколько предоставляют своим адресатам особый политико-правовой статус, выражающийся в наличии у каждого определенной автономии в выборе форм и уровней социально-правового и юридического взаимодействия при реализации взятых на себя обязательств.

Библиографические ссылки

1. Решетников С. В., Антанович Н. А., Побережная О. Е. Значение политического сознания для постановки общественных проблем на повестку дня политики (на примере Республики Беларусь // Вестн. БГУ. Серия 3. История. Экономика. Право. 2015. № 3. С. 110–114.

2. Антанович Н. А. Институты имплементации политических решений в системе государственного управления Республики Беларусь // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2017. Т. 9, № 3. С. 418–433.

3. О Концепции правовой политики Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь от 28.06.2023 № 196 / Официальный Интернет-портал Президента Респ. Беларусь. URL: <https://president.gov.by/ru>. Дата доступа: 30.01.2024.

4. Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. (с изм. и доп., принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г.) [Электронный ресурс] // Официальный Интернет-портал Президента Респ. Беларусь. URL: <https://president.gov.by/ru>. (дата доступа: 30.01.2024).

5. Основные понятия в социологии ; пер. с англ. Е. Рождественской, С. Гавриленко; под науч. ред. С. Гавриленко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. 336 с.

6. «Это идеологическая матрица». Ольга Чуприс о Концепции правовой политики Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. URL: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2023/october/75567/> (дата доступа: 04.02.2024).

7. Иванов Д.В. Язык, сознание, коммуникация // *Философия науки и техники*. 2021. Т. 26 (№ 2). С. 115–126.